

Е.К. Бурмистрова

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Потенциал межкультурного иноязычного образования для развития экзистенциальной компетенции школьников на уровне среднего общего образования

Антропоцентризм современной образовательной парадигмы делает мировоззренческое и смысложизненное самоопределение личности обучающегося приоритетной задачей обучения иностранным языкам и иноязычного образования. Последнее актуализирует необходимость определения понятия и номенклатуры экзистенциальной компетенции в лингвообразовательном контексте. Анализ литературы в области экзистенциального анализа позволяет выявить модели смысложизненного поиска, имеющие образовательный потенциал для развития экзистенциальной компетенции на материале иноязычных культурных фактов. На основе анализа литературы в статье дается определение понятию экзистенциальной компетенции, обосновывается потенциал межкультурного иноязычного образования как фактора развития экзистенциальной компетенции и предлагается технология развития экзистенциальной компетенции школьников на уровне среднего общего образования, проиллюстрированная в рамках фрагмента урока английского языка в 10 (11) классе.

Ключевые слова: экзистенциальная компетенция, межкультурное иноязычное образование, межкультурный подход, экзистенциальные ценности, ценности переживания, ценности творчества, ценности установки, культурный факт, ваби-саби

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бурмистрова Е.К. Потенциал межкультурного иноязычного образования для развития экзистенциальной компетенции школьников на уровне среднего общего образования // Рема. Rhema. 2023. № 4. С. 61–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-4-61-76

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-4-61-76

E. Burmistrova

Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation;

The potential of intercultural foreign language education for the development of existential competence in senior schoolchildren

The anthropocentrism of today's educational paradigm prioritizes foreign language learners' ideological self-determination. The latter actualizes the need to define the concept and the components of existential competence in foreign language education. A literature review in existential analysis helps to identify the meaningful models potentially suitable for developing existential competence through an examination of authentic cultural facts. The research paper defines the concept of existential competence, justifies the potential of intercultural foreign language education as a factor in existential competence development, and suggests a short lesson scenario as an educational technology for developing existential competence in senior school students.

Key words: existential competence, intercultural foreign language education, intercultural approach, experiential existential values, creative existential values, attitudinal existential values, cultural fact, wabi-sabi

FOR CITATION: Burmistrova E. The potential of intercultural foreign language education for the development of existential competence in senior schoolchildren. *Rhema*. 2023. No. 4. Pp. 61–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-4-61-76

1. Понятие экзистенциальной компетенции в современном образовании

В условиях цифровизации образовательной среды обращение к экзистенциальным проблемам образования актуально настолько, насколько актуальны вопросы педагогической антропологии: вопросы «свободы, ответственности и совести, решения и выбора, конечности жизни, преодоления кризиса, предназначения и осуществления человека, глубинные переживания повседневности и чувствования смысла» [Ниязбаева, 2022, с. 36]. Декларируемая образовательными стандартами необходимость самоопределения в окружающем мире и в отношении себя является первоочередной задачей организации сознательной жизни человека, что делает поиск и обращение к индивидуальным смысложизненным вопросам неизбежным в процессе решения образовательных и иных личностнозначимых задач. Вместе с этим современные реалии полиподходности иноязычного образования обеспечивают гибкость целеполагания, предполагая новые способы объективации образовательных результатов, что позволяет говорить об актуальности и содержании экзистенциальной компетенции, ее месте в современном иноязычном образовании и позиции межкультурного подхода как доминантного вектора развития лингводидактики.

Понятие экзистенциальной компетенции впервые упомянуто в монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» (2001) как составляющей общих компетенций изучающего язык (знания, умения, экзистенциальная компетенция и способность учиться) и определяемое как «совокупность индивидуальных характеристик человека, его черт характера, взглядов, представлений о себе и об окружающих, готовность к социальному взаимодействию, <...> определяется не только набором постоянных характеристик (качеств) субъекта ...включает также факторы, являющиеся результатом воспитания и может модифицироваться, <...> носит культурно обусловленный характер, и потому имеет большое значение для межкультурного общения: так, формы выражения дружелюбного и заинтересованного отношения, принятые в одной культуре, могут расцениваться носителями другой культуры как проявление агрессии или оскорбление» [Ирисханова, 2003, с. 11].

Экзистенциальная компетенция принимается во внимание, во-первых, с точки зрения учета особенностей субъекта (взгляды, мотивы поведения, личностные убеждения и качества: интровертность/экстравертность; уверенность/неуверенность в себе; открытость/скрытность; оптимизм/пессимизм; разговорчивость/сдержанность и пр.), во-вторых,

с точки зрения личностных качеств, которые могут или должны быть присвоены субъектом как межкультурно ориентированной личностью (например, толерантность, эмпатия). Номенклатура экзистенциальной компетенции расширяется или видоизменяется в зависимости от цели обучения иностранному языку. Однако ее широкий и синтетический характер позволяет поставить под сомнение экзистенциальную компетенцию как условие возникновения деятельности в целом (как и характер этой деятельности).

Общедидактическое (как и лингводидактическое) понимание компетенции как способности к деятельности (иноязычной коммуникативной деятельности), основанной на синтезе некоторых личностных характеристик (знаний, умений и отношений) требует уточнения как в определении, так и в назначении компетенции. Вместе с этим, исследователями формулируется эмпирическая (опытная) предпосылка наличия компетенции (или компетентности как индивидуального состояния сформированности последней): опытный – значит компетентный. Так, подчеркивая роль коммуникативного опыта для решения личностно-значимых задач, Н.Д. Гальскова отмечает, что «благодаря опыту... человек становится не только знающим и умеющим, но и компетентным» [Гальскова, 2022, с. 61]. Таким образом, в компетентностной парадигме опыт субъекта является залогом выполнения деятельности, ее соответствия ранее (однократно или многократно) проделанной модели; осмысленный опыт помогает ответить на вопрос, как правильно делать и как неправильно делать. Вместе с этим, деятельностно обусловленный экзистенциальный опыт в значительной мере «отражает онтогенез каждого из нас» [Знаков и др., 2018, с. 127], а именно «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» [Сапогова, 2013, с. 437]. Соответственно, методическая концептуализация экзистенциальной компетенции как операционально-деятельностного аспекта расширения мировоззрения может быть основана на категории экзистенциального опыта как налично достоверного, означающего поиск экзистенциальных смыслов и основанную на них самолегитимацию личности обучающегося [Павлов, 2018, с. 229] в осмыслении «бытия самим собой» и «бытия за пределами себя».

Теоретические исследования в области экзистенциальной психологии указывают на событийный характер экзистенциального опыта, т.е. позволяет выделить экзистенциальное событие как исходную дискретную единицу такого опыта. Характеризуя экзистенциальную встречу как явление сопровождаемое, в частности, в контексте педагогической действительности, О.Ф. Больнов (как и ряд классиков экзистенциальной философии)

мыслил ее в пределах ограниченного отрезка времени и совокупности весьма специфических принципиально случайных потенциально кризисных (деструктивных) обстоятельств, при которых человек вступает в контакт с чем-то (или кем-то) неожиданным и непредсказуемым и оказывается тронут встреченным настолько, что готов переосмыслить свою жизнь, т.е. обнаружить новые смыслы [Koenigsz, 2017, p. 73–75]. Однако смыслы (которые во всяком случае являются смыслами бытия: «Ради чего я это делаю / это изучаю / живу?») могут быть найдены не только в ситуациях глубокого потрясения; по словам А. Лэнгле, смысложизненный поиск – «не факультативная, дополнительная, а фундаментальная потребность» [Лэнгле, 2017]. Экзистенциальный анализ рассматривает конкретные жизненные обстоятельства и собственно со-бытия жизни относительно обнаруживаемых в них потенциальных смыслов (экзистенциальная исполненность или ‘смысловая исполненность’ (нем. *Sinnerfüllung*) В. Франкла). Экзистенциально событие, таким образом, – это не столько со-бытие в мире с другими М.М. Бахтина, сколько «встреча с жизнью», объективируемой исключительно в акте волеизъявления, т.е. поступке, коим не могут являться физиологические рефлексy и реакции [Лэнгле и др., 2023, с. 81].

Согласно экзистенциально-аналитической концепции мотивации А. Лэнгле, встреча – умозрительный диалог с визави или «иным» (иной ценностью), в наиболее широком смысле, сопоставимый с межкультурными контекстами – разворачивается тремя последовательными этапами мотивационного процесса (рис. 1).

1. *Распознавание* или первичная эмоциональность как формирование субъектом первого впечатления/ощущения сугубо пассивного, спонтанного, аффективного и интуитивного характера.

2. *Согласование* (приведение в соответствие) или вторичная (интегрированная) эмоциональность как некоторая связь/координация первичного (распознанного) со всем, что является ценным, а также рационализация воспринимаемого в оценочном сопоставлении с возможностями, способностями, личностными ценностями и установками, совестью личности и актуальным смыслом в процессе самодистанцирования (рефлексивного отстранения от односторонности первого впечатления); результирует в понимании.

3. Внутреннее согласие на активную *включенность в деятельность* (волеизъявление и действие) во внешнем мире как самопозиционирование и интеграция новой ценности в расширенный деятельностный контекст, когда трансцедирующая личность «реализует то, что для нее возможно в мире, и тем самым реализует саму себя как возможность» (самотрансценденция) [Там же].

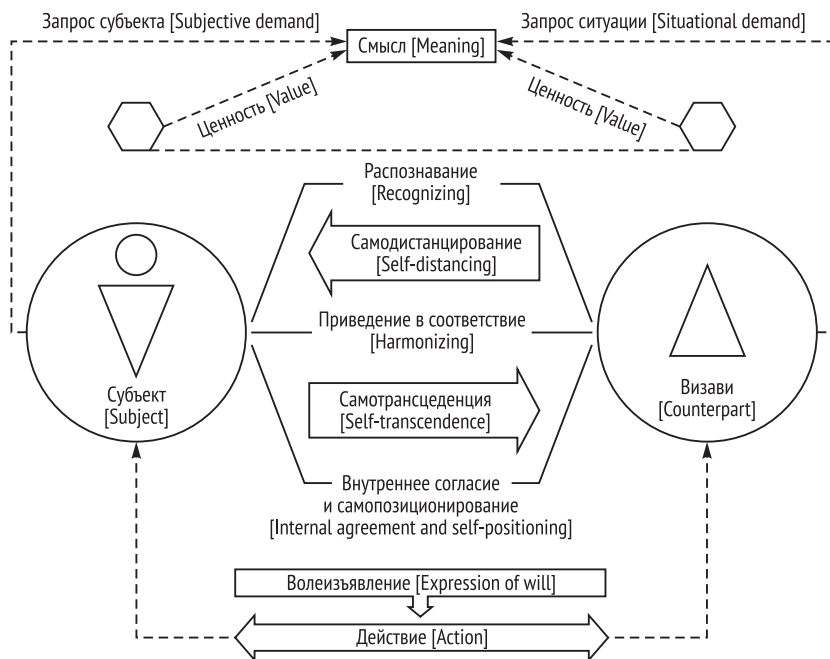

Рис. 1. Ситуация встречи как экзистенциальное событие

Fig. 1. Meeting situation as an existential event

Иными словами, экзистенциальный опыт – это не только опыт эмоциональных потребностей, но и всякий осознаваемый опыт «я могу», «мне нравится», «я имею право» и «я должен». На основе этого можно утверждать, что каждый субъект образовательного процесса (за исключением людей с диагностированными психоневрологическими нарушениями и/или тяжелыми формами расстройства личности) уже в той или иной мере компетентен экзистенциально (в аспекте интерперсональных или внешне обусловленных предпосылок); вместе с этим, также справедливо полагать, что человек, в целом не имеющий или имеющий недостаточно опыта уважительного отношения окружающих или близости с ними, и, соответственно, не осознающий самоценность в настоящем и будущем, также не имеет существенных (интраперсональных или внутренне обусловленных) предпосылок сформированности экзистенциальной компетенции. Тем не менее, если в случае реализации первой и второй фундаментальных мотиваций человеку может быть достаточно интерперсональных предпосылок (ребенок развивается в автономном диалоге

с жизнью, полагаясь преимущественно на свои ощущения и эмоции, при этом у него зачастую нет необходимости заниматься организацией своего безопасного пространства), то при реализации третьей и четвертой, для которой в большей мере необходимы интраперсональные факторы, повзрослевший человек обнаруживает себя в зоне ответственности (так, ребенок, достигший сознательного возраста и способный принимать самостоятельно решения, теперь «обречен» нести ответственность за их последствия).

Таким образом, экзистенциально-аналитическая концепция современного психоанализа, экстраполируемая на образовательный контекст, делает возможным следующее определение экзистенциальной компетенции: как *общая (надъязыковая) компетенция* экзистенциальная компетенция может пониматься как оспособленная экзистенциальным опытом интенциональная ценностная самодетерминация личности индивида в контексте глобального социума; в межкультурной лингводидактике – как способность и готовность обучающегося к ценностной самодетерминации в процессе межкультурной иноязычной коммуникации. Для обучающегося, формирующего и развивающего экзистенциальную компетенцию, это может означать следующее:

- он/она может быть в мире, т.е. способность и готовность обучающегося «принять» благоприятные обстоятельства («войти в пространство, встать на опору и дать себя защитить») и «выдержать» неблагоприятные;
- ему/ей нравится жить и он/она ценит собственную жизнь, т.е. способность и готовность обучающегося допустить, продлить и удержать близость в отношениях с иным (субъектом или объектом);
- он/она имеет возможность быть собой и он/она ценит самого/саму себя, т.е. способность и готовность уважительного отношения к себе (чувство ценности персонального бытия) и другим (критическая самооценка);
- он/она чувствует, что его/ее жизнь имеет смысл, т.е. обнаруживает свою субъектность в поле деятельности, различных системах взаимосвязи и осознает свой личностный потенциал как ценность в будущем.

2. Межкультурное иноязычное образование как фактор развития экзистенциальной компетенции

Методологический и технологический аспекты межкультурного иноязычного образования (в частности, межкультурного подхода к обучению иностранным языкам) реализуются на основе механизмов межкультурного общения [Тарева, 2011]. Межкультурное общение как

диалог культур может подразумевать не только информационный, но и ценностно-смысловой диалог между представителями лингвокультурных сообществ [Гончарова и др., 2018]. В наиболее общем понимании ценности как вид информации выступают наиболее полным выражением экзистенциальных притязаний обретения смысла и значимости, и, в то же время, преобразовывают внешнюю реальность, «формируя направленность социальных процессов» [Баева, 2004, с. 73]. Ценности антропогенны, однако их функции в сознании отдельного человека остаются иллюзорными [Гончарова, 2015, с. 89]. В случае, если существование понимается как ценность, любая ценность (интенциональная или институциональная) является в то же время экзистенциальной, поскольку имеет онтологический статус (существует вне зависимости от субъекта) и задает смысложизненные ориентиры (определяет существование). Последнее, по А.С. Мельникову, позволяет говорить «уже не о природе экзистенциальных ценностей, но об экзистенциальной природе ценностей как таковой» [Мельников, 2008, с. 130–142]. Таким образом, экзистенциальные ценности могут определяться как одновременно *терминальные* (предельные и универсальные ценности в масштабах личности и общества) и *ситуативные* (значимые не сами по себе, но в пределах конкретной ситуации) в различной степени осознаваемые и ощущаемые человеком детерминанты его бытия.

Экзистенциальные ценности, подразумевающие свободный выбор и ответственность, выступают основой «аутентичного» (осмысленного) существования. При множестве подходов к определению экзистенциальных ценностей необходимо остановиться на ценностной гипотезе в экзистенциальном анализе В. Франкла [Frankl, 1985; Франкл, 1990]. Исследуя проблему смысла, австрийский философ разработал классификацию экзистенциальных ценностей, реализуемых человеком в «поисках» смысла, включающую три категории ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности установки. *Ценности творчества* реализуются в бескорыстном труде, подлинном творчестве или искусстве (ради творчества и искусства) – это созидательные ценности, указывающие на то, что человек может «дать» миру. *Ценности переживания* – переживания красоты, истины, любви – определяются тем, что человек может «брать» от мира (природы и социума). *Ценности установки* предполагают осмысленное отношение к «трагической триаде» страдания, вины и смерти, когда в случае страдания человек занимает позицию по отношению к судьбе, в случае вины – по отношению к самому себе, перед лицом смерти – по отношению к своему прошлому [Франкл, 1990, с. 302–303].

В приведенной выше модели предполагается, что люди не «создают» ценности, но принадлежат реальности, в которой базовые ценности предзаданы некоторым духовным (ноэтическим) измерением. Необходимо отметить, что человек не всегда следует ценностям, произвольно распознает ценность с помощью совести как бытующего в духовно-бессознательном интуиции «органа смысла» [Frankl, 1985; Франкл, 1990]. В логотерапии и экзистенциальном анализе совесть рассматривается как интегрированная эмоция, определяющая «ощущение иерархии ценностей в той или иной ситуации при учете того, что данная Person в целом считает хорошим и поэтому переживает как Правильное» [Langle, Holzhey-Kunz, 2008, p. 47].

Несмотря на то, что объектом внимания теории экзистенциального анализа является индивидуальное, а не социальное (культурное) бытие человека, он всякий раз обнаруживает себя в диалогическом генеративном пространстве соотнесенности с другим человеком в контексте физического пространства и времени. Бытие личностью всегда представляет собой процесс обмена с миром как со-бытие с другими людьми и, как смысложизненный поиск, нередко ограничено ситуацией, участником которой является человек иной культурной группы. Становится ясно, что сам человек «вне культуры и иным способом, как “культура”, существовать не может» [Байдачная, Полещук, 2016, с. 17]. Ценности как «обширные смысловые возможности» являются императивами духовной и социальной жизни. Однако, отмечал В. Франкл, несложно представить, что ситуации актуализации ценностей отдельных людей не всегда уникальны и могут иметь нечто общее для людей разных слоев общества и даже эпох [Frankl, 1985; Франкл, 1990]. В то время как не возникает сомнений, что люди всех культур способны к бескорыстному созиданию, глубокому чувственному проникновению и стойкому преодолению жизненных трудностей, то, каким образом люди и группы людей обнаруживают смысл, может уходить корнями в традиции и жизненный уклад культурной группы. Такие культурные факты, находящие отражение в лингвокультурологическом аспекте содержания иноязычного образования (своеобразные культурные «имена» красоты, счастья, любви), требуют особого внимания с точки зрения развития экзистенциальной компетенции.

Примером способа актуализации ценности переживания может являться известный элемент японского эстетического мировоззрения ваби-саби (яп. 侘寂), используемый для наименования «неидеальной», естественной красоты вещей и природы и имеющий определяющее значение в японской философии. Понятие, охватывающее красоту «увядшего, обветренного, потускневшего, израненного, сокровенного,

грубого, земного, мимолетного, неуловимого, эфемерного» [Sartwell, 2006, p. 114] может быть рассмотрено как альтернатива современному вестернизированному мировосприятию, основанному на стремлении к идеалу и избавлении от несовершенств. Ваби-саби подчеркивает изящную, нетривиальную хрупкость бытия в противовес омертвляющей претензии на вечное существование, что делает данный факт культуры материалом для актуализации ценности переживания в рамках технологии формирования экзистенциальной компетенции. Технология формирования экзистенциальной компетенции, таким образом, может быть реализована в рамках урока / факультативного (внеурочного) занятия по иностранному (английскому) языку на уровне среднего общего образования (10–11 класс) и продемонстрирована в виде фрагмента урока.

3. Фрагмент урока по развитию экзистенциальной компетенции школьников в 10 (11) классе

Разработанный фрагмент урока¹ реализует технологию развития экзистенциальной компетенции школьников на основе трех представленных ранее этапов экзистенциальной встречи: распознавание (англ. *recognizing*), согласование (англ. *harmonizing*) и действие (англ. *action*).

На первом этапе предполагается экспозиция к теме урока и представление культурного факта в форме иноязычного аутентичного текста (аудиотекста, видеотекста или лингвовизуального комплекса), содержательно и стилистически соответствующего уровню языковой подготовки обучающихся. Участникам предлагается ответить на общие вопросы относительно предмета обсуждения и их личного опыта взаимодействия с ним. Иллюстративный материал представлен на рис. 2.

На втором этапе моделируется согласование ценности («Что я чувствую по отношению к данной ситуации / вопросу? Мог/могла бы я принять и выдержать эти условия/обстоятельства / воспользоваться этой возможностью? Насколько то, что произошло, хорошо/правильно для участников ситуации / для меня лично? Насколько то, что произошло / предмет обсуждения имеет смысл (сейчас или в будущем)?»).

На третьем этапе принимается решение относительно принятия/непринятия обучающимся культурного факта как персональной ценности, предусматривается актуализация ценностного потенциала культурного факта в персонализированном контексте деятельности обучающегося. Данный этап направлен на активизацию когнитивного и чувственного опыта обучающихся; учитель подводит итоги обсуждения и узнает, изменилось ли отношение / представление о факте в целом / по отношению к другим ценностям.

¹ Фрагмент урока составлен автором с помощью онлайн-платформы <https://twee.com>

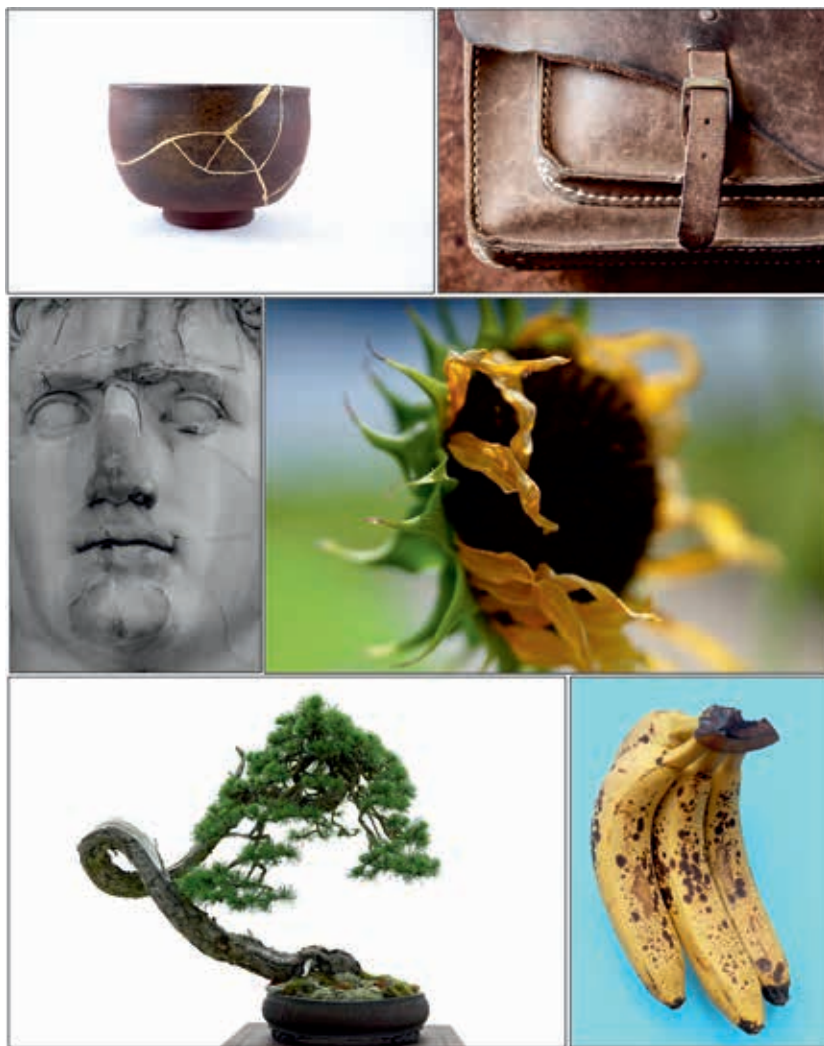

Рис. 2. Иллюстративный материал к уроку

Фотографии взяты из банка стоковых изображений:
<https://ru.freepik.com> (дата обращения: 15.09.2023),
<https://unsplash.com> (дата обращения: 15.09.2023)

Fig. 2. Illustrative material for the lesson

Images taken from stock image bank:
<https://ru.freepik.com> (date of access: 15.09.2023),
<https://unsplash.com> (date of access: 15.09.2023)

Stage I. Recognizing

1. Describe what you can see (см. рис. 2). *Do you think the images are beautiful?* Why (not)? Discuss with your teacher / group.

2. What do you know about wabi-sabi? Read the abstract to find out more. While reading, check the meaning of the words in bold.

Wabi-sabi is a Japanese philosophy that celebrates the beauty in the imperfect, impermanent, and incomplete. The concept is originally two words. *Wabi* refers to an *austere*, humble beauty, while *sabi* reflects the beauty that comes with age and wear. Inspired by the medieval Buddhist teachings, wabi-sabi appreciates the beauty of the natural world, which is always changing and never lasts. The appreciation for the flawed and authentic can be seen through traditional Japanese art forms, from tea ceremonies to *ikebana* flower arrangements.

A classic example of wabi-sabi is the art of *kintsugi*. Instead of hiding the damage, kintsugi highlights the cracks and repairs with powdered gold, silver, or platinum *lacquer*, making them part of the object's history. The art can be seen as a metaphor for accepting flaws and embracing imperfections.

The concept of wabi-sabi can also be found in the Japanese practice of *bonsai*. Bonsai trees are cultivated and *pruned* to maintain a miniature size, but they are never completely symmetrical. With certain branches unpruned, the tree retains its natural shape and asymmetry. The process of growing a tree embodies the essential principles of wabi-sabi.

The idea behind wabi-sabi is not just an aesthetic preference, but a way of life that encourages *mindfulness* and acceptance. Living wabi-sabi means finding beauty in the everyday, whether it is a crack in the sidewalk or the fleeting beauty of cherry blossoms.

3. Answer the questions:

- What is the origin of the concept of wabi-sabi? (*The concept of wabi-sabi originated from medieval Buddhist teachings*)
- What are some Japanese art forms that meet the principles of wabi-sabi? (*tea ceremonies, ikebana, kintsugi, bonsai trees*)
- In what ways can Western culture benefit from adopting wabi-sabi philosophy?

4. Match the words with their definitions (*ikebana, kintsugi, bonsai, wabi, sabi*):

- a) an aesthetic concept that values the beauty of aging and decay, often associated with rustic or weathered things;
- b) the art of flower arrangement, which emphasizes simplicity and balance;
- c) the art of repairing broken pottery with gold or silver lacquer, emphasizing the beauty in imperfection;

- d) the art of growing miniature trees in containers, often requiring careful shaping;
- e) an aesthetic concept that values simplicity and naturalness.

Stage II. Harmonizing

- 5. Do you think you *could* live a wabi-sabi way?
- 6. Would you *enjoy* this way of living?
- 7. Do you think it is *good for you and other people*?
- 8. Do you think it is *meaningful* enough for you?
- 9. There is a saying: “*Western beauty is radiance, majesty, grandness, and broadness. In comparison, Eastern beauty is desolateness. Humility. Hidden beauty*” (Shozo Kato, master kendo sensei). Do you agree with the idea? What is beauty for you?

Stage III. Action

- 10. Write three or more sayings about what you think wabi-sabi is and is not. You can think of the ways it is related to *time, body, self, people, relationships, actions, changes, art, happiness, life*. Share your thoughts with your teacher / group.
- 11. Use your phone camera to make several pictures you think best represent the concepts of wabi-sabi or kintsugi. Discuss the results with your teacher / group.
- 12. *Has your idea of beauty changed after the discussion?*

Предложенный фрагмент урока иллюстрирует потенциал межкультурного иноязычного образования в целях развития экзистенциальной компетенции школьников как способности к смысложизненному поиску. Работа с текстом включает первичную проверку понимания прочитанного, организованную в форме открытых вопросов и работы с культурно-маркированной безэквивалентной лексикой. Представленная технология, раскрывающая этапы восприятия экзистенциально иного, реализует представление культурного факта как экзистенциальной ценности (ценности переживания), актуализирующей смысложизненный поиск, его системного осмысления, последовательно организованного от спонтанного восприятия до сознательного сопоставления и последующего принятия/непринятия обучающимся ценности переживания как события собственного экзистенциального опыта.

В ходе анализа учащимся предлагается высказываться, формулируя рассуждение и выстраивая афоризмы в том числе в отношении ключевых экзистенциальных переменных – жизни (времени, телесности,

собственно жизни, счастья), бытия самим собой (себя, окружающих людей и отношений с ними), будущего (действий и изменений), что создает условия для аутентичного развития личности школьников.

4. Выводы

Развитие экзистенциальной компетенции как способности к смысловому поиску представляется актуальной задачей современного иноязычного образования и имеет существенный потенциал для дальнейшего технологического проектирования и реализации в рамках межкультурного подхода.

Иноязычная культура создает условия для ознакомления с уникальными традициями и способами актуализации экзистенциальных ценностей творчества, переживания и установки. Аксиологический, лингвокультурологический, этнопсихологический и межкультурный анализ аутентичных концептов, обозначающих значимые переживания как часть мировоззрения культурной группы, способствует расширению общекультурных представлений обучающихся и развитию экзистенциальной компетенции школьников на уровне среднего общего образования.

Библиографический список / References

Баева, 2004 – Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. [Baeva L.V. Tsennosti izmenyayushchegosya mira: ekzistentsialnaya aksiologiya istorii [The values of a changing world: Existential axiology of history]. Astrakhan, 2004.]

Байдачная, Полещук, 2016 – Байдачная Е.В., Полещук А.Р. Экзистенциальные основания культуры в философии существования: коммуникационный аспект // Общество: философия, история, культура. 2016. № 3. С. 17–19. [Baidachnaya E.V., Poleshchuk A.R. Existential foundations of culture in existential philosophy: Communication aspect. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2016. No. 3. Pp. 17–19. (In Rus.)]

Гальскова, 2022 – Гальскова Н.Д. Основы методики обучения иностранным языкам: Учебное пособие. М., 2022. [Galskova N.D. Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam [Theoretical basis of the methods in teaching foreign languages]. Moscow, 2022.]

Гончарова, 2015 – Гончарова В.А. Гипотеза ценностной «инволюции» в пространстве межкультурного общения // Ценности и смыслы. 2015. № 4 (38). С. 82–93. [Goncharova V.A. The hypothesis of value “involution” in intercultural communication. *Tsennosti i smysly*. 2015. No. 4 (38). Pp. 82–93. (In Rus.)]

Гончарова и др., 2018 – Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы / Гончарова В.А., Столярова И.Н., Бобин В.А. и др. М., 2018. [Goncharova V.A., Stolyarova I.N., Bobin V.A. et al.

Dialektika sovremennoogo mezhkulturnogo inoyazychnogo obrazovaniya: vektory i smysly [Dialectics of intercultural approach to foreign language learning and teaching: Vectors and implications]. Moscow, 2018.]

Знаков и др., 2018 – Знаков В.В., Касавина Н.А., Синеокая Ю.В. Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137. [Znakov V.V., Kasavina N.A., Sineokaya Yu.V. Existential experience: The mystery and the problem. *Filosofskii zhurnal*. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 123–137. (In Rus.)]

Ирисханова, 2003 – Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике, Страсбург; Под общ. ред. К.М. Ирисхановой. М., 2003. [Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka [The common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Department of Language Policy, Strasbourg]. Moscow, 2003.]

Кривцова и др., 2009 – Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) // Экзистенциальный анализ. 2009. Бюллетень № 1. С. 141–170. [Krivtsova S.V., Lengle A., Orgler K. The Existence Scale (Existenzskala). *Ekzistentsialnyi analiz*. 2009. No. 1. Pp. 141–170. (In Rus.)]

Лэнгле, 2017 – Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. М., 2017. [Langle A. Zhizn, napolnennaya smyslom. Logoterapiya kak sredstvo okazaniya pomoshchi v zhizni [Meaningful life: Logotherapy as a life-support means]. Moscow, 2017.]

Лэнгле и др., 2023 – Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования: Монография. М., 2023. [Langle A., Ukolova E.M., Shumskii V.B. Sovremennyyi ekzistentsialnyi analiz: istoriya, teoriya, praktika, issledovaniya [Modern existential analysis: History, theory, practice, research]. Moscow, 2023.]

Мельников, 2008 – Мельников А.С. Социологическая интерпретация экзистенциальных ценностей // Соціологічні дослідження. 2008. № 10. С. 130–142. [Melnikov A.S. Sociological interpretation of existential values. *Sotsiologichni doslidzhennya*. 2008. No. 10. Pp. 130–142. (In Rus.)]

Ниязбаева, 2022 – Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальный поворот в педагогике и образовании: свобода, смыслы, самоосуществление // Историко-педагогический журнал. 2022. № 1. С. 36–44. [Niyazbaeva N.N. Existential shift in pedagogy and education: Freedom, meanings, self-realization. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2022. No. 1. Pp. 36–44. (In Rus.)]

Павлов, 2018 – Павлов А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень, 2018. [Pavlov A.V. Filosofiya sovremennosti i mezhvremeniya [Modern and inter-temporal philosophy]. Tyumen, 2018.]

Сапогова, 2013 – Сапогова Е.Е. Границы «я»: жизненный и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В. Брушлинского) / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2013. Т. 1. С. 445–447. [Sapogova E.E. The boundaries of 'self': Life and existential experience. *Chelovek, sub'ekt, lichnost v sovremennoi psikhologii (k 80-letiyu A.V. Brushlinskogo)*. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (eds.). Moscow, 2013. Vol. 1. Pp. 445–447. (In Rus.)]

Тарева, 2011 – Тарева Е.Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов // Проблемы теории, практики и методики перевода:

Сб. науч. тр. Вып. 14. Т. 1. Н. Новгород, 2011. С. 237–244. [Tareva E.G. Intercultural approach to the training of modern linguists. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda*. Vol. 1 (14). Nizhny Novgorod, 2011. Pp. 237–244. (In Rus.)]

Франкл, 1990 – Франкл В.Э. Человек в поисках смысла: Сборник: Перевод с английского и немецкого / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М., 1990. [Frankl V.E. Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik: Perevod s angliiskogo i nemetskogo [Man's search for meaning: Handbook: Translated from English and German]. L.Ya. Gozman, D.A. Leontiev (eds.); D.A. Leontiev (introductory article). Moscow, 1990.]

Франкл, 2001 – Франкл В.Э. Психотерапия на практике = Psychotherapie für den Alltag / Пер. Н. Панькова, В. Певчева. СПб., 2001. [Frankl V.E. Psychotherapie für den Alltag. N. Pankov, V. Pevchev (transl. into Russian). St. Petersburg, 2001.]

Шумский и др., 2016 – Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций / Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763–788. [Shumskii V.B., Ukolova E.M., Osin E.N., Lupandina Ya.D. Measuring existential fulfillment: An original Russian version of Test of Existential Motivations. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Vol. 13. No. 4. Pp. 763–788. (In Rus.)]

Goddard, Wierzbicka, 2014 – Goddard C., Wierzbicka A. Words and meanings: Lexical semantics across domains, languages, and cultures. Oxford University Press, 2014.

Frankl, 1985 – Frankl V. Man's search for meaning (Revised & updated ed.). Washington Square Press, 1985.

Koerrenz, 2017 – Koerrenz R. Existentialism and Education: An Introduction to Otto Friedrich Bollnow. Palgrave Macmillan, 2017.

Langle, Holzhey-Kunz, 2008 – Langle A., Holzhey-Kunz A. Existenzanalyse und Daseinsanalyse. Facultas, 2008.

Sartwell, 2006 – Sartwell C. Six Names of Beauty. 1st ed. New York, 2006.

Wierzbicka, 2014 – Wierzbicka A. 'Happiness' in a cross-linguistic and cross-cultural perspective. *Daedalus*. 2004. Vol. 133. Pp. 34–43.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023

The article was received on 12.04.2023

Сведения об авторе / About the author

Бурмистрова Елизавета Константиновна – магистрант Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет; ассистент на кафедре англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет

Elizaveta K. Burmistrova – MA student at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University; assistant at the Department of English Studies and Intercultural Communication of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7561-9129>

E-mail: elizavetaburmistrova1998@gmail.com